

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ

Анисюткин Н.К.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИДНЕСТРОВЬЯ И СЕВЕРНОЙ МОЛДОВЫ

Anisjutkin N. K. *The results of studying of the middle Palaeolithic of Dniester area and Northern Moldova.* In the South-West of the Eastern-European plain there are represented numerous and various monuments of the Middle Palaeolithic, including those of many layers. Their research continued for half a century allowed to set and partially resolve many problems of chronology, the variability of Moustiers, evolution of stone industrie and ecology of the Palaeolithic man. The most important questions of chronology can be considered on the basis of through geological searches on the sites, connected with, late – pleistocene loes – soil formations of many meters. It is this fact that gives the possibility to make a more through correlation with the European stratotypes. The studying of the specific character of stone industries of the region presupposes the presence of two contrastive variants of development. The variant, named the Stinkovsky culture represents a phenomenon, where the archaic technology of the primary knapping combines with a relative abundance of Upper Palaeolithic forms and the presence of leaf-like points-bifaces.

1. Палеолит Приднестровья, являющегося вместе с территорией Северной Молдовы составной частью юго-запада Восточно-Европейской равнины, представлен многочисленными и разнообразными памятниками, в их числе среднепалеолитическими, включая многослойные с хорошо сохранившимися культурными слоями.

В данной статье, которая подводит итог полувековым полевым исследованиям, рассматриваются некоторые важные проблемы, чья постановка стимулирована накопленными археологическими материалами.

2.1. Первая из них — проблема хронологии, которая в археологии всегда является одной из самых важных. Огромное значение имеет то обстоятельство, что в регионе в течение многих лет велись основательные геологические изыскания, включая междисциплинарные. Последние, проведенные на многослойных стоянках, связанных с многометровыми позднплейстоценовыми лессово-почвенными толщами, дали возможность более обосновано провести корреляцию с европейскими стратотипами. Порой наши эквиваленты по выразительности превосходят европейские. В частности, речь идет о превосходной ископаемой почве, выявленной на стоянке Кетросы, которая достаточно обосновано сопоставляется с интерстадиалом бреруп.

У нас, если говорить о среднем палеолите, еще мало надежных абсолютных дат, а имеющиеся радиоуглеродные датировки не могут восприниматься как надежные. Известно, что даты древнее 40000 лет, полученные этим способом, являются за пределами.

В статье принято деление позднего плейстоцена на ресс-вюрум (микулино, прилуки, зем), на древний вюрум и пленигляциал, что соответствует новой тенденции (Gamble, 1986, Величко и др., 1989, Былинский, 1989, Riencourt, 1993). Древний вюрум составляют интерстадиалы амерсфорт, бреруп, оддераде. Пленигляциал, подразделяющийся на ранний, средний и поздний, начинается с кислородно-изотопной стадии 4, после интерстадиала оддераде.

В свою очередь все эти подразделения, соответствуя определенным кислородно-изотопным стадиям, имеют абсолютные даты. Естественно, следует отдавать себе отчет в том, что использование данной системы в Приднестровье затруднительно по причине отсутствия специальных исследований. Сегодня очень сложно увязать те или иные почвенные горизонты, которые обнаруживаются в лессах вюрмского времени, с европейскими стратотипами. Корреляции, предложенные в свое время И.К. Ивановой, не учитывают ряда сложностей.

Вторая важная проблема, которая рассматривается в работе, посвящена локальным вариантам среднего палеолита. Первой «ласточкой» можно считать открытие в 1964 году стоянки Стинка 1 (Анисюткин, 1969), каменный инвентарь которой очень резко отличался от молодцовского мустье. Дальнейшие исследования позволили сделать ряд важных выводов, усложнивших восприятие проблемы. Сейчас установлено сосуществование на протяжении всего верхнего плейстоцена двух различных вариантов среднего палеолита.

Третьей существенной проблемой нужно считать степень влияния на палеолитические

каменные индустрии природного фактора. Здесь важное значение имеют палеоэкологические реконструкции, которые основываются на комплексных исследованиях палеолитических стоянок. Для постановки этой проблемы имеются определенные разработки, хотя налицо и досадные оплошности. К их числу, например, нужно отнести отсутствие полного списка фауны из мустьерских слоев стоянок Молодова 1 и 5. Материал, собранный в разные годы, оказался разобценным и частично утраченным

(Алексеева, 1987: 153).

2.2. Основой хронологии являются памятники с хорошо сохранившимися культурными слоями. Все они — Молодова 1 и 5, Кормань 4, Кетросы — находятся на II надпойменной террасе Днестра и расположены недалеко друг от друга, что позволяет связывать конкретные профили в единый разрез. Это осуществлено геологом И.К. Ивановой, предложившей следующую хроностратиграфическую схему (Иванова, 1982, Рис. 15).

Таблица 1

тыс. лет	Геохронология	Кетросы	Молодова 1	Молодова 5	Кормань
	Хенгело			+	+
40					
	Моерсхофд				+
50					
			+	+	
60	Оддераде-Бреруп		+	+	
		+			
	Амерсфорт				
70					
	Микулино				

Из таблицы следует, что самым ранним комплексом здесь является основной слой стоянки Кетросы, который обнаружен в четких геологических отложениях. Далее расположены слой 12 стоянки Молодова 5 и слой 5 Молодова 1, лежащие в основании нерасчлененного интерстадиала бреруп-оддераде, а в верхней части — слой 4 Молодова 1 и слой 11 Молодова 5. В отложениях интерстадиала моерсхофд залегают слои 11-12 стоянки Кормань 4. Финальномустьерские или пост-мустьерские (по А.П. Чернышу) индустрии выявлены в слое 10а стоянки Молодова 5 и слое 10 стоянки Кормань 4. Последние часто рассматриваются как переходные к верхнему палеолиту.

Надежные корреляции рассматриваемых позднеплейстоценовых отложений с европейскими стратотипами связаны с ресс-вюрмом и ранневюрмскими интерстадиалами амерсфорт и бреруп. За ресс-вюрмские отложения принимается русловая фация аллювия II надпойменной террасы реки Днестр, а в качестве эталона мощная полигенетическая ископаемая почва, обнаруженная в верховьях оврага Байлова Рипа, в 100 м от раскопа стоянки Молодова 1. Она описана как микулинская (Иванова, 1959: 252) и охарактеризована палинологически (Болиховская, 1982: 145). Палинологическими исследованиями установлено, что в микулинское время было два климатических оптимума, разделенных кратким периодом похолодания. Ранний оптимум был теплым и сухим, а поздний — теплым и влажным. Климат в это время был сходным или даже теплее климата Среднего Приднестровья в настоящее время (Болиховская, 1982: 147-153).

Пойменная фация аллювия II надпойменной террасы реки Днестр соответствует первому ранневюрмскому интерстадиалу амерсфорт. Ранневюрмские отложения, включая интерстадиалы бреруп и амерсфорт, хорошо выражены в разрезе стоянки Кетросы и в ее окрестностях (Кишлянский яр). Здесь бреруп характеризуется выразительной и мощной ископаемой почвой, которая также найдена в разрезе стоянки Кормань 4 (Иванова, 1982: 230). В этом плане непонятно отнесение ископаемой почвы из разреза стоянки Молодова 1, найденной на 9 м ниже 5-го мустьерского слоя, к межстадиалу амерсфорт, в то время как «бреруп» представлен только горизонтом оглеения (Иванова, 1982: 229). Известно, что климат во время брерупа был теплее, чем в межстадиале амерсфорт (Болиховская, 1981: 120-121).

Датировка молодого мустье брерупским временем была неоднозначно воспринята исследователями палеолита, включая как сторонников (Праслов, 1984: 109), так и противников (Klein, 1969: 259; Анисюткин, 1990: 46-49), указавших на несоответствие палинологических и фаунистических данных. Фауна грызунов представлена преимущественно степными и даже арктическими формами (Агаджанян, 1982: 158), а палинологические исследования показали, что теплолюбивая флора отмечена в отложениях ниже 12 мустьерского слоя (самого раннего), синхронного слою 5 стоянки Молодова 1, а наиболее холодная — в слое 11 (выше лежащего) (Гитерман, 1987: 152). Тогда преобладала степная растительность (Болиховская, Пашкевич, 1982: 144), в то время как для

брерупа отмечено широкое распространение лесов. По данным европейских ученых этот интерстадиал был наиболее продолжительный, теплый и лесной (Carciuma, 1973). Для малакофауны также характерны холодолюбивые формы (Мотуз, 1987: 163).

Что касается подразделения И.К. Ивановой послебруперупского вюрма, то здесь много неясного. Два межстадиала эквивалентных европейским хенгело и моерсхофд, с радиоуглеродной датой для последнего из 11 слоя стоянки Кормань 4 — 44400 ± 2050/ — 1630 (GrN = 6807), которая соответствует датам из западноевропейских разрезов — 46000-48000 лет тому назад (Lumley, 1972: 366), не соответствуют стратиграфической колонке в Кетросах, где выше брерупа прослежено 3 четких гумусированных почвенных горизонта с находками костей мамонта, лошади, северного оленя (определения А.И. Давида и Н.М. Ермоловой), а также находками каменных изделий мустьерского облика. К сожалению, эти факты были проигнорированы московскими геологами, которые определили верхнюю ископаемую почву как Штилфрид В или паудорф (брянская почва) (Иванова и др. 1981: 160), т.е. необосновано омолодили.

Удовлетворительны датировки стоянок Кетросы и Кормань 4, в то время как дата молодовского мустье спорна. Геологические исследования, включая комплексные, представили очень важный материал, который можно использовать для определения времени большинства известных стоянок. В их число можно включить даже местонахождения с подъемными материалами, каменные индустрии которых относятся к тому или иному региональному варианту среднего палеолита.

С учетом совокупности современных данных, включая не только геологию и биостратиграфию, но и археологию, я предлагаю следующую хронологию среднего палеолита.

2.3. Самые ранние комплексы среднего палеолита — нижние слои грота Старые Дуруиторы (Кетрару, 1973) и вероятно Ярово — датируются риссом. К этому периоду можно отнести и, видимо, южный комплекс Кишлянского яра (далее КЯЮ).

2.3.1. Микулинское или прилукское (рисс-вюрмское) межледниковье.

К рисс-вюрмскому межледниковью, которое вместе с древним вюрмом соответствует 5 кислородно-изотопной стадии, подразделяясь на следующие отрезки: 5a — оддераде, 5b — стадиал, 5c — бреруп, 5d — стадиал и амерсфорт, 5e — рисс-вюрм (Заррина, 1991; Gamble, 1985; 1993), относится несколько важных памятников. Несмотря на хронологическую относительность изотопно-кислородных данных они используются исследователями плейстоцена для корреляции с лессово-почвенной шкалой (Величко и др., 1989: 20). Некоторые четвертич-

ники предлагают рассматривать эту стадию как вариант «длинного микулинского интергляциала» (Былинский, 1989: 32-37), соответствующую мезинскому лессово-почвенному комплексу (Величко и др., 1989: 20). Последний подразделяется на две фазы: ранняя — салынская фаза — микулино, поздняя — крутицкая — сопоставляется с ранневюрмскими интерстадиалами амерсфорт и бреруп. Выделение 5 изотопно-кислородной стадии в самостоятельный отрезок позднего плейстоцена согласуется с биостратиграфическими данными. Только с вюрма 2 (т.е. после оддераде) начинают ощущаться ледниковые условия (Webb, 1988: 126), когда в мустьерских слоях появляются кости северного оленя, что характерно и для Приднестровья: кости северного оленя не найдены в добруперупских стоянках.

К микулинскому времени относится с наибольшей вероятностью нижний слой грота Выхватинцы, который перекрыт средним и верхним слоями с индустриями среднего палеолита (Анисюткин, Кетрару, 1982: 130). Фауна нижнего тайякского слоя представлена, обломками костей лошади, бизона, носорога, благородного оленя, волка, лисицы, а также пещерной гиены и пещерного медведя. Преобладают кости пещерных хищников, а также лошади и бизона.

Для среднего слоя, с каменными орудиями микока, характерны мамонт, носорог, бизон, лошадь, гигантский олень и пещерный медведь. Преобладают лошадь и ранняя форма мамонта, а пещерный медведь представлен 1 обломком нижней челюсти.

В верхнем слое найдено около десятка кремневых изделий, включая типичное скребло с подтеской основания и отщепы леваллуа, а также несколько обломков костей животных, включая северного оленя. Это дает основания для предположения о том, что немногочисленные кости северного оленя из раскопок Г.П.Сергеева и Н.А. Кетрару, которые не членили фауну по слоям, также происходят из невыделенного мустьерского слоя. Поэтому использование костей этого животного в качестве индикатора холодного климата, делая на этой основе вывод о позднемикулинском возрасте нерасчлененной толщи отложений (Иванова 1969: 115), сегодня неверно. Кстати, анализ публикации первого сезона раскопок позволил установить связь костей мамонта именно со средним слоем (Сергеев 1950: 206), что соответствует нашим с Н.А. Кетрару данным.

Весьма вероятно отнесение к межледниковью также среднего слоя, что соответствует представлениям Герхарда Бозински о времени раннего этапа микока, когда существовали соответствующие формы бифасов, обнаруженные в Выхватинцах.

Возможна увязка нижнего слоя с первым оптимумом микулинского межледниковья (сухим и теплым), а среднего — со вторым (влаж-

ным и теплым). Показательно, что глинистые отложения среднего слоя с тонкими прослойками немногочисленных мелких галек могут указывать на периодические затопления карстовой полости. В это время грот не был обитаем пещерными хищниками, а люди посещали его только на короткое время. Видимо, это было связано с периодами облавных охот в данной пересеченной местности. Напротив, каменные изделия и обломки костей животных нижнего слоя залежали четко выраженным горизонтом мощностью не более 20 см. Кремневые изделия имеют острые края и хорошую сохранность поверхностей. Следы окатанности отмечены только для отдельных предметов из кровли нижнего слоя. Это указывает на частичную деформацию слоя в конце его формирования, предшествующую обвалу плит козырька навеса. Последний четко отделяет нижний слой от среднего.

Характер отложений свидетельствует о существовании постоянного водотока в самом начале «жизни» карстовой полости, прекращении в период формирования нижнего слоя и возобновлении позднее, но в меньших масштабах, вплоть до верхнего обвала, отделяющего средний слой от верхнего.

К микулино можно, как кажется, отнести КЯЮ, хотя не исключена и более ранняя дата — рисс, если учесть связь кремневых находок из четвертичных отложений с известковистым суглинком. Данная индустрия имеет сходство с индустриями Королево 1, происходящих как из рисс-вюрмских слоев, так и из рисского слоя 5. На это обращали внимание также украинские исследователи палеолита (Гладилин 1976: 148; Сытник 1985: 13; Кулаковская 1989: 116), хотя Л.В. Кулаковская сопоставляла КЯЮ только с рисс-вюрмским комплексом.

2.2.2. Древний вюрм. Самыми ранними комплексами этого времени являются Осыпка, Шипот 2 (далее ШНС — Шипот, нижняя стоянка) и коллекция из аллювиальных отложений стоянки Кетросы (далее — КА). Каменные изделия всех трех комплексов обнаружены в отложениях пойменной фации аллювия II надпойменной террасы реки Днестр, который датируется амерсфортом. Находки частично переотложены (Осыпка), но в основном лишь отчасти нарушены в слое. На стоянках ШНС и КА, которые еще недостаточно изучены, найдены единичные кости ископаемых животных — мамонта и широкопалой лошади.

Интересно, что здесь речь идет о двух вариантах среднего палеолита — микоке (КА) и стинковской культуре (Осыпка, ШНС). В немногочисленной коллекции КА вместе с чоппером найден выразительный бифас (Анисюткин, 1992: 19). Аналогичная картина сосуществования двух вариантов была характерна и для микулинского времени, хотя, если отнести к этому времени также коллекцию КЯЮ, возможно говорить о трех вариантах среднего палеолита

— микоке, тайяке и позднем ашеле.

В отложениях между амерсфортом и брерупом расположен основной культурный слой стоянки Кетросы. Это первое появление в Среднем Приднестровье типичного мустье с фауной без северного оленя. Здесь установлено пока 3 локализации в пределах единого культурного слоя, отделенных одна от другой конусами выноса, образовавшихся в начале формирования отложений пойменной фации аллювия. Материал снесен с поверхности IV террасы, к которой прислонен фрагмент II террасы с культурными слоями мустьерской эпохи. Одна локализация — раскоп 1 — представлена индустрией с леваллуазской техникой расщепления, 2 и 3 (культурный слой последней разрушен карьером) — нелеваллуазские. Над Кетросами, на поверхности IV террасы, примерно в 250 м западнее Кишлянского яра, расположено местонахождение Стинка-Дарабаны (далее С Д) с находками каменных изделий мустьерского облика, собранных на поверхности. Культурного слоя не сохранилось. Комплекс аналогичен комплексам 2 и 3 стоянки Кетросы, а поэтому датирован тем же временем.

К добрерупским индустриям следует отнести подъемный материал местонахождения Бобулешты 5, обнаруженный на реке Реут в Молдове. Каменные изделия собраны на поверхности III террасы (Кетрару, 1983), аллювий которой синхронен или даже моложе аллювия реки Днестр, следовательно позднее рисса (Велич, 1968: 152) и не древнее конца рисс-вюрма. В основании субэразальных отложений разреза этой террасы описана прилуцкая (рисс-вюрмская) ископаемая почва (Адаменко и др., 1996: 57). Принимая во внимание сходство бобулештской индустрии с индустриями Осыпки и ШНС, есть все основания для синхронизации этих комплексов.

2.2.3. Пленигляциал нижний и средний. Данный период соответствует вюрму 2 французской стратиграфической схемы, сопоставляясь с изотопно-кислородными стадиями 4 и 3. В мустьерских стоянках этого времени постоянно представлены кости северного оленя и даже песка, которые становятся обычной охотничьей добычей палеолитических охотников вплоть до конца верхнего палеолита и даже мезолита (Черныш, 1959: 167, Давид, 1980). Палинологические исследования, проведенные на разрезах стоянок Кормань 4, Кетросы и Молодова 1, показали, что наиболее суровые климатические условия отмечены в последобрерупское время, предшествующее интерстадиалу моерсхофд. После незначительного потепления наступила волна нового похолодания, продолжавшаяся до интерстадиала хенгело. Однако этот стадиал был менее суровым нежели предшествующий (Пашкевич, 1977: 106-109; Болиховская и др., 1982: 121-144).

Этому времени соответствуют культурные

слои стоянок Молодова 1 и 5. К холодному стадиалу, соответствующему хронологически слою 4 стоянки Молодова 1, можно отнести нижний слой стоянки Стинка 1, который был датирован послерисским и допаудорфским временем (Иванова, 1969: 135).

Более детальная хронология основана на ряде показателей: 1) залегании нижнего культурного слоя Стинки 1 в основании позднеплейстоценовых отложений, под гумусированной прослойкой, которая по И.К. Ивановой является перемытым остатком ископаемой почвы; 2) данными спорово-пыльцевого анализа, выполненных М.Н. Клапчуком; 3) обликом каменной индустрии. Палинологический анализ показал, что в период накопления отложений нижнего культурного слоя климат в окрестностях стоянки был холодным и сухим. Преобладала лесостепь с рощами из сосны и березы. Образец из гумусированной прослойки указал на слабое потепление, аналогичное интерстадиалу моерсхофд.

Верхний культурный слой видимо можно датировать интерстадиалом хенгело, учитывая данные палинологии и литологии.

К интерстадиалу моерсхофд отнесены слои 11 и 12 стоянки Кормань 4, для которых получены радиоуглеродные даты свыше 44000 лет тому назад. Немногочисленные каменные изделия из этих слоев по совокупности технико-типологических показателей соответствуют стинковской культуре, что важно отметить.

Представлю в итоге хронологическую таблицу, распределив отдельно стратифицированные стоянки и местонахождения с подъемными материалами. Абсолютные даты взяты в публикации А.А. Величко (Velichko e.a., 1988: Fig.6.).

Некоторые комплексы характеризуются двумя датами — более молодыми и более древними. К их числу относятся КЯЮ и Ярово. Последнее обнаружено в маломощной лессовой толще, на поверхности высокой террасы, вблизи города Сороки на Среднем Днестре. Возможно допустить, что слой с кремневыми артефактами является иллювиальным горизонтом ископаемой почвы, залегавшей на поверхности галечников IV террасы, верхняя часть которой (гумусированная) размыта в древности. Это обстоятельство, а также наличие значительного числа кремневых изделий с поверхностью, деформированной морозобойными процессами, дают основание полагать, что слой сформировался в холодное время; он был перекрыт ископаемой почвой, которая могла быть либо микулинской, либо брерупской, либо даже интеррисской. Технический и типологический анализ дают основание для сопоставления индустрии стоянки Ярово с индустрией слоев 3-4 грота Дуруиторы, которая датируется рисским временем (Кетрару, 1973: 13-14). Налицо почти полное совпадение технических и морфологических признаков, что позволяет относить комплекс стоянки Ярово также к рессу.

Таблица 2.

Даты тыс. лет		Геохронология	Стратифицированные памятники	Нестратифицированные памятники
30	2			
		Хенгело	Молодова 5, с10а, Кормань 4-10, Стинка 1, в. с. Шипот 1?	КЯС
40	3			Володяны?
			Молодова 1, 5, Буздужаны, Бутешты	
60		Моерсхофд	Кормань 4, Шипот 1 Молодова 1, 5, Стинка 1, н. слой. Тринка 1, 2, Буздужаны	
70	4			
80	5а	Оддерраде	Молодова 1, с.5. Молодова 5, с.12.	
90	5b			
100	5с	Бреруп	Буздужаны, с 7,8	
110	5d	Амерсфорт	Кетросы КА, ШНС, Осыпка, Ярово ?	Стинка – Дарабаны Стинка 2 ? Бобуешты 5
120	5е	Рисс-Вюрм	Выхватинцы	КЯЮ ?, Стинка 4 ?
130				
140	6	Рисс	Ярово, Дуруиторы	КЯЮ, Мерсына.

Каменная индустрия стоянки Шипот 1, связанная с ископаемой почвой, с одинаковым правом может быть датирована как межстадиалом хенгело, так и моерсхофд. Однако, палинологические исследования, проведенные Г.М. Левковской, показали, что во время формирования этой почвы природные условия соответствовали прохладному интерстиадалу практически без широколиственных пород деревьев. Подобные показатели характерны для интерстиадала моерсхофд, когда доля пыльцы широколиственных пород не превышала 5% (Болиховская, Пашкевич, 1982: 138). Это дает основание для некоторого удревнения комплекса каменных изделий стоянки Шипот 1, который ранее относился к финальному мустье и сопоставлялся с верхним слоем стоянки Стинка 1 (Анисюткин, 1975: 168).

К сожалению, большинство памятников с территории Молдовы не имеют надежных датировок. Исключение представляют грот Выхватинцы и, как кажется, нижний уровень (слои 7,8) грота Буздужаны 1, темноокрашенные отложения которого почти лишены щебня, а в фаунистическом комплексе нет северного оленя, что позволяет относить его к брерупу. Хронология слоев лежащих выше неясна. Интересно пестроокрашенная обширная линза, представляющая слои 4,5, разрывающая горизонтально лежащие литологические слои. Но к какому времени отнести эту эрозию — сегодня неясно. Хронологическое положение мустье из гротов Бутешты, Тринка 1 и 2 обусловлено наличием костей северного оленя и тем, что в первом имеются многочисленные орудия с бифасиальной обработкой, которые единичны в тринковских индустриях. Сходная картина характерна для многослойной стоянки Рипичени-Извор в Румынии (Paunescu, 1993: 218), где бифасы малочисленны в нижних слоях и обильны в верхних.

Датировка подъемных материалов покоится на технико-типологических критериях. Так

северный комплекс Кишлянского яра (далее — КЯС) отнесен к самой поздней группе, соответствующей хенгело, на основании находок нескольких типичных скребков, которые по формам и характеру заготовок неотличимы от прочих мустьерских орудий.

3. Вопросы локального подразделения среднего палеолита. В Среднем Приднестровье сосуществовало два контрастных варианта среднего палеолита — мустье типичное и зубчатое. Особенно резко различаются показатели стинковской и молодовской культур. Правда, каменная индустрия из культурных слоев грота Буздужаны 1 характеризуется более высокими индексами леваллуа и фасетирования, которые сопоставимы с соответствующими техническими индексами из комплекса слоя 4 грота Тринка 1, но этим сходство и ограничено. Достаточно указать, что буздужанская индустрия подобно стинковской основывается на мелких заготовках. Сколы крупных размеров, включая в первую очередь леваллуазские, почти не переформлялись в орудия. Наблюдающаяся по краям микрзубчатая ретушь не меняет форму заготовок. Показательно полное отсутствие скребел на удлиненных пластинчатых заготовках с плоской и мелкой (преимущественно однорядной) ретушью по краям, которые являются наиболее характерными орудиями леваллуазских комплексов.

3.1. Мустье типичное. Этот вариант был подразделен на две группы — молодовскую (Молодова 1 и 5, Кетросы 1) и северомолдавскую (Тринка 1 и 2, Бутешты, КЯС, С Д, Кетросы — комплекс 2). Для последней характерны как леваллуазские комплексы так и нелеваллуазские. Индекс леваллуа варьирует весьма значительно, но не превышает 25%. Характерно применение распространенной ретуши, разных типов подтески, включая так называемый «площадочный» или тип «костенки». Остроконечники обычно малочисленны как и ретушированные леваллуазские острия.

Таблица 3.

Стоянки	IL	IF	I lam	подтеска "костенки"	модифицирующая ретушь	листовидные острия
Молодова 1, с. 4	52%	62%	19,8%	-	-	-
Молодова 5, с. 11	50%	60%	20%	-	-	-
Кетросы 1	21%	43%	12%	-	-	-
Пронятин	16,2%	71%	15,7%	?	-	-
Бутешты	25%	64%	16%	X	X	X
Тринка 1	16,8%	41,3%	14%	X	X	X
Кетросы 2	12%	43%	10%	X	X	-
Тринка 2	6,6%	40%	18%	X	X	-
С Д.	15%	37,6%	6,6%	X	X	-
КЯС	18,4%	40,6%	13,6%	X	X	X

На таблице, где представлены не только основные памятники Приднестровья и Северной Молдовы, но и Пронятин, расположенный в Подолии и относящийся к молодовской

группе (Сытник, 1994: 101-120), не отражены комплексы с малочисленными коллекциями.

Ясно видно, что более менее компактную группу образуют памятники молодовской груп-

пы, включая Пронятин. Для этой стоянки можно отметить присутствие такого существенного элемента как подтепка типа «костенки», которая представлена на рисунках публикации А.С. Сытника (Сытник 1994: 6: 7, 7: 8). В свое время А.П. Черныш показал мне скребло с типичной подтепкой типа «костенки» из последних раскопок стоянки Молодова 1 (слой 4), которое ныне опубликовано (Черныш 1982: рис. 17, 13).

Значительная вариабельность характерна для бифасов, которые могут быть единичными в одних комплексах и многочисленными в других. В качестве примера укажу на относительное изобилие бифасов на открытой стоянке Стинка 1 и единичность их в коллекции грота Буздужаны 1, что находит свое подтверждение в мустье Болгарии: листовидных острий много на открытой стоянке Муселиево (Haesaerts e.a. 1979) и они единичны в гроте Самуилица 2 (Sirakov 1983).

Северомолдавская группа представляет из себя весьма разнородное явление, что особенно касается технических показателей. Важно обратить внимание на отсутствие листовидных бифасов в комплексах, где орудий менее сотни. Комплекс местонахождения С Д имеет весьма архаичные характеристики, включая низкие индексы пластин и фасетирования, но

очень высокий клектонский (далее Icl.), что сближает его с комплексом Кетросы 2, где также мало пластин, но много клектонских отщепов (Icl.:С Д = 36%, Кетросы 2 = 32%). Это, наряду с иными признаками, позволяет рассматривать оба комплекса близкими во времени.

В чем причина вариабельности нашего типичного мустье — неясно. Важно указать на то, что обе группы — молодовская и северомолдавская — найдены в пределах одного слоя, но в различных локализациях стоянки Кетросы (Анисюткин, 1981).

3.2. «Мустье зубчатое». Весьма интересен вариант, который был ранее описан как «зубчатое мустье» или «стинковская культура». В данном случае речь идет о группе разновременных памятников, существовавших в регионе в течение всей первой половины позднего плейстоцена. Эти памятники связаны в единую линию развития со среднеплейстоценовыми (Анисюткин, 1992), получив название «дуруиторостинковское единство».

Для большей ясности приведу некоторые технические и типологические показатели рассматриваемых памятников. Данные по дуруиторской коллекции взяты из публикации Н.К. Кетрару (Кетрару, 1991: 9-19), а также мои подсчеты техники расщепления.

Таблица 4.

Памятники:	Индексы техники (%):				Индексы типологии (%):			
	IL	IF	Ilam	ICI	II	III	IV	IV
Дуруиторы	2,5	28	4,5	60	8,1	10,2	20,4	0,4
Ярово	1,7	26	3,2	48	29,3	18,4	19,4	2,1
Бобулешты 5	2	28	3	50	18	12	28	1,5
Стинка 1:								
нижний слой	4	19	6,2	41	11	11	20	7,3
верхний слой	10	24	17	35	8,6	16	21	9
Шипот 1	10,8	34	11,6	34	18	13	25	7,5
Буздужаны 1:								
слой 2	10	41	13	26,3	13,7	12,5	28	1,2
слои 4-5	14	36	6	36,2	12	11,3	33	2,8
без подразделений	-	-	-	-	15,5	14,5	30,7	1,7

Все приведенные в статье комплексы характеризуются преимущественно сколами-заготовками мелких размеров. Только в нижних слоях грота Дуруиторы и коллекции местонахождения Бобулешты 5, где применялся кремь очень высокого качества, изделий менее 50 мм (т.е. мелких) было немногим более 60%, в остальных коллекциях — свыше 70%. Все технические индексы позволяют видеть здесь индустрии непластинчатые, практически нелеваллуазские и нефасетированные, с многочисленными клектонскими отщепами. Вариабельность этих показателей, в основном, имеет определенную направленность, которая позволяет наблюдать развитие. Так самые низкие показатели леваллуа и пластин характерны для наиболее ранних комплексов. Клектонский индекс, установленный как соотношение сколов со скошен-

ными и гладкими ударными площадками ко всем определяемым ударным площадкам — скошенные площадки x 100 : все определяемые ударные площадки (Combier 1967: 27), также демонстрирует изменчивость, согласно которой самые ранние комплексы имеют наиболее высокие показатели. Определенным исключением является индустрия грота Буздужаны 1, имеющая самые высокие показатели леваллуа и фасетирования. Кстати, индексы леваллуа и фасетирования самого мощного слоя 6, где возможна примесь типичного мустье, чрезвычайно, достигая в первом случае 18% и во втором — даже 50%. Существенно указать на то, что в Буздужанах нет закономерного увеличения индексов леваллуа и фасетирования. В нижнем уровне (слои 7,8) они соответствуют показателям самого верхнего слоя 2. И только процент

пластин демонстрирует в слое 2 резкое повышение, хотя не дает оснований говорить об индустрии как пластинчатой. В чем причина «мустьеризации» буздужанской индустрии? Можно ли рассматривать буздужанскую и стинковскую индустрии как локальные варианты единой культуры, или речь идет только о разнице в хозяйственной деятельности? На этот вопрос сегодня нет удовлетворительного ответа. Укажу только на более высокие индексы леваллуа и фасетирования стоянки Шипот 1, которые сопоставимы с буздужанскими.

Относительно стабильны типологические индексы. Постоянно господствует группа IV (зубчатые орудия), следующие группы II и III (мустье и верхний палеолит) имеют сходные показатели. Исключением является комплекс Ярово, где преобладают различные скребла, которые очень часто можно рассматривать как комбинированные орудия, что является характерной чертой дуруиторо-стинковского единства. Спецификой следует считать постоянно высокий процент орудий верхнепалеолитического облика, где особенно многочисленны и выразительны скребки, в первую очередь карене, а museaux, нуклевидные и на ударных площадках отщепов. В эту группу III также входят, кроме резцов и проколов, ножи с массивными ретушированными (часто встречной ретушью) обушками, которые, как ни странно, более обычны для ранних комплексов.

Бифасы, представленные преимущественно листовидными формами, а также орудиями с обушками, дают в количественном отношении неустойчивую группу. Прослеживается, как кажется, тенденция уменьшения их процента в ранних комплексах. Наиболее выразительные формы листовидных бифасов обнаружены в коллекциях стоянок Стинка 1, Шипот 1 и Буздужаны 1. Если принять во внимание только эти памятники, которые следует рассматривать как синхронные или близкие во времени, то можно объяснить многочисленность бифасов в одном случае (Стинка 1, Шипот 1) и редкость их в другом различием типов стоянок: в гротах речь идет о зимних поселениях, на открытых местах — сезонные поселения в теплое время года.

Показательно, что единичные бифасы листовидной формы из слоя 3 грота Дуруиторы

имеют сходные пропорции с листовидными орудиями Стинки 1 (Chetragu, 1992: 111), отличаясь более грубой обработкой.

3.3. Особенности и общие черты среднего палеолита Приднестровья и Северной Молдовы. Остановлюсь на специфике приднестровского «зубчатого мустье», не имеющего нигде полных аналогий кроме стоянки Мамая в Добрудже (Румыния). Здесь вблизи порта Констанца, на берегу Черного моря найдено несколько местонахождений мустьерского времени (Paunescu et al., 1972), включая наиболее значительное из них — Мамая, где кремневые изделия мустьерского облика залежали в многометровой толще четвертичных отложений (Valoch, 1968: 466-467; 1993: 239-242). Индустрия Мамаи почти неотличима от индустрии нижнего слоя Стинки 1, в чем я смог убедиться при знакомстве с коллекциями, хранящимися в Брно (Чехия) и Бухаресте (Румыния). Независимо к подобному же выводу пришел Карел Валох, который в итоговой публикации данного памятника указал, что только Стинка 1 является наиболее сходной с коллекцией Мамаи, все остальные отличаются с точки зрения техники и типологии (Valoch, 1993: 261).

Тем не менее, Карел Валох отнес индустрию к типичному мустье, опираясь только на индекс скребел, который достигал почти 30%, хотя остроконечники представлены только 2 атипичными обломками. Интересно, что значительная часть скребел являлась комбинированными орудиями, следовательно могли быть интерпретированы иначе. К тому же некоторые из скребел неотличимы от зубчатых орудий, а иные можно рассматривать как листовидные острия начальной стадии обработки (Ibid. Fig. 6: 22, 9: 25, 11: 11,17). Показательно обилие зубчатых и выемчатых орудий, количество которых превышало 20%. Все это дает право полагать, что в рассматриваемой публикации индекс скребел преувеличен и речь идет о зубчатой индустрии. К зубчатому мустье отнесли материалы Мамаи румынские исследователи (Paunescu e. a., 1972: 27). К сожалению, в период моего знакомства с коллекцией Мамаи у меня не было времени для ее статистического анализа. Технические индексы Карела Валеха чрезвычайно близко к индексам из нижнего слоя стоянки Стинка 1. Для наглядности приведу эти показатели.

Таблица 5.

Комплексы	IL %	IF %	Ilam %	Icl %	M Массивность
Мамая 1	4,08	11,4	5,1	36,5	28,1
Мамая 2	6,04	18,8	4,2	39,7	28,1
Стинка 1 ниж. слой	4,00	19,0	6,2	41,0	28,0

Сопоставляемые комплексы, из которых Мамая 1 происходит из брерупской почвы, а Мамая 2 из росс-вюрмской (Valoch, 1993: 262), практически тождественны Стинке 1. Особен-

но поразительно совпадение по индексу массивности, который я определял без подразделения на слои, ибо коллекция Мамаи из Института археологии Академии наук Румынии пред-

ставлена как единая, а коллекция из музея Антропос (Брно) мною не была обработана. Разница в IF с комплексом 1 незначительна по причине большого сходства остальных. Показательны совпадения по клетонскому (IcI) индексу стинковского комплекса и комплекса Мама 2, происходящего (якобы) из ресс-вюрмских отложений.

Как воспринять количественные данные по технике расщепления румынских коллег, которые отличаются от приведенных в таблице, но которые сопоставимы с индексами из слоев грота Буздужаны 1, — неясно. Может быть речь идет о материалах с иного участка и перед нами случай, который отмечен на стоянке Кетросы, где в пределах одного культурного слоя фиксируются два комплекса с несколько различными технико-типологическими (в основном техническими) показателями?

Главное состоит в том, что рассматриваемые индустрии представляют особый вариант среднего палеолита с листовидными острями и постоянно высоким процентом орудий верхнепалеолитического облика, включая ориньяк-идные формы скребков — карене, а museaux, нуклеидные, а также на ударных площадках отщепов. Причем, что интересно, прослеживается единая линия развития, которая начинается в риссе и завершается в первой половине верхнего палеолита. И как бы мы не относились к простым однолинейным схемам развития, перед нами пример именно такой схемы. Она характерна только для относительно ограниченной территории, протянувшейся вдоль восточной окраины Карпат и примыкавшей к северо-восточной оконечности Балкан, включая Среднее Приднестровье на севере ареала и Добруджу — на юге.

Палеозоологические и палеоботанические данные, полученные при изучении Мамаи и пещер Добруджи, показывают, что в позднем плейстоцене ландшафты и животный мир рассматриваемой зоны, включая Приднестровье, были практически неразличимы. В южной части ареала в несколько большей мере были распространены степи. Здесь встречены все те формы млекопитающих, включая северного оленя и песца, которые характерны для Приднестровья (Dumitrescu e.a. 1962-1963: 277-279; Carciunaru 1971: 25). В этой зоне, протянувшейся вдоль восточных склонов Карпатских гор, от Хотина в среднем течении Днестра до побережья Черного моря в районе Констанцы, и существовал вышеотмеченный специфический средний палеолит. Памятники этого варианта не найдены ни в Карпатах, ни на Балканах, ни на территории Восточно-Европейской равнины.

Напротив, типичное мустье имеет аналогии на территории Болгарии и Румынии. Речь идет о стоянке Рипичени-Извор на реке Прут, где в 6 культурных слоях обнаружены мустьерские комплексы. Нижняя пачка слоев — 1, 2, 3

определены как типичное мустье, средняя пачка — слои 4 и 5 — отнесены к мустье ашельской традиции и верхний слой 6 — к зубчатому мустье. Для всех из них характерны умеренные индексы фасетирования и пластин и высокие леваллуа (Paunescu, 1993: 211). В целом, несмотря на то, что здесь выделено три мустьерских варианта, на мой взгляд, речь идет о едином комплексе. Различия касаются лишь количества и разнообразия бифасов, которые в основном характерны для слоев 4 и 5. В остальном речь идет о тех же формах орудий и технических приемах, включая очень распространенную подтеску типа «костенки» и аналогичную вторичную обработку. Коллекция же слоя 6 бедна и ее определение затруднительно, хотя и здесь нет контрастных различий с более ранними комплексами.

Северомолдавская группа, кроме индустрии грота Бутешты, существенно отличается от нижних слоев Рипичени-Извор низкими индексами леваллуа, а от слоев 4 и 5 также малочисленностью и однообразием бифасов. Однако, если допустить, что индустрии тринковских гротов происходят из поселений иного типа, то здесь оправдано обратить внимание на признаки, которые сближают эти комплексы, включая подтеску типа «костенки» и наличие листовидных острий. Вполне возможно говорить о близости типичного мустье Рипичени-Извор и нашего мустье. Что касается комплекса С Д, где наряду с заметной долей леваллуазской техники весьма высок клетонский индекс, то здесь следует учесть его значительную древность относительно комплексов из нижней пачки стоянки Рипичени-Извор, слой 3 которой связан с отложениями интерстадиала моерсхофд (Carciunaru, 1985: 22). По данным И.К. Ивановой мустье Рипичени-Извор позднее брерупа (Иванова, 1975: 112), т.е. намного моложе стоянки Кетросы и синхронного комплекса С Д.

Существенное сходство наше типичное мустье имеет с вариантом мустье типа Муселиво и Самуилица 2 в Болгарии. Отличия заключаются в более высоких индексах леваллуа характерных для указанных выше болгарских памятников. Однако в Болгарии имеется и не леваллуазское мустье с низкими индексами фасетирования и пластин. Это пещера Бачо Киро, где в нижних слоях обнаружены мустьерские комплексы (Kozłowski 1982: 81-116). Здесь нет бифасов и не отмечена подтеска типа «костенки». Анализ иллюстрации в монографии, посвященной изучению Бачо Киро, позволяет обнаружить форму, напоминающую листовидное острие с односторонней обработкой (Kozłowski 1982: 81), которое происходит из самого нижнего слоя 14. Еще одно орудие, которое может косвенно указывать на употребление бифасальной техники, найдено в слое 13 (Kozłowski 1982: Pl.IX:2). Это обломок скребла с плоской и субпараллельной, почти струйчатой ретушью

края, которое сопоставлено исследователями стоянки с «листовидным острием» слоя 14.

Приведенные примеры позволяют допустить, что здесь нет листовидных бифасов только по причине небольшого объема коллекций. Ни в одном из слоев не найдено 100 орудий, а если изъять из коллекции отщепы с нерегулярной ретушью, отщепы, пластины и острия леваллуа без обработки, то нигде нет более 50 орудий. Молодовское мустье, которое происходит из ашеля Королево в Закарпатской Украине (Гладилин 1978; Кулаковская 1989, Анисюткин, 1981) также не имеет полных аналогий на соседних территориях. Исключением является группа мустьерских стоянок в Подолии, включая основополагающий комплекс — Пронятин (Сытник 1985; 1989; 1994), а также стоянки Бережаны 5 и Тернополь 1, коллекции которых мало отличимы от молодовской индустрии (Сытник 1997; 1998). Этот факт дает основание для предположения о том, что основной ареал молодовского мустье находился именно в северной части Среднего Приднестровья и, прежде всего, на территории Подолии. Здесь данный тип мустье, отделенный от Центральной Европы Карпатскими горами, которые в вюрмское время играли роль естественного препятствия (Сытник, 1994: 108), сформировался в своеобразную мустьерскую археологическую культуру.

В настоящее время, учитывая современное состояние наших источников, нельзя воспринимать самостоятельность двух групп нашего типичного мустье однозначно. Казалось бы, очевидна разница между разноликкой северомолдавской группой и сравнительно монолитной молодовской. При сопоставлении комплексов любой стоянки эти отличия существенны. Однако, все наши изощрения по части методики и процедуры выделения локальных вариантов среднего палеолита становятся несостоятельными при столкновении с фактом сосуществования комплекса северомолдавской (комплексы 2 и 3) и молодовской групп (комплекс 1) в пределах единого культурного слоя, но на разных участках одного поселения Кетросы (Анисюткин, 1981). Сходное явление ранее описано Ю.Г. Колосовым в палеолите Крыма (Колосов, 1986: 136).

4. Вопросы взаимовлияний. Необходимо обратить внимание на наличие в каменных индустриях определенных форм орудий, которые дают интересный материал к размышлению. В среднем палеолите, включая типичное мустье, выявляются бифасиальные формы, которые обычно связывают с микоком. Наиболее выразительные, включая прондники, происходят из слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор, единичные бифасы типа Keilmesser обнаружены в культурных слоях ряда стоянок Приднестровья и Северной Молдовы, в частности со Стинки 1. Отдельные формы, напоминающие прондники,

встречены в гротах Бутешты и Тринка 2 (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986: 69). Однако, самыми интересными являются комплексы начала верхнего палеолита, где сочетаются элементы разных мустьерских вариантов нашего региона. Один из таких комплексов представляет ранний ориньяк Румынии, который залегает в основании серии верхнепалеолитических слоев, перекрывающих мустьерский слой 6 стоянки Рипичени-Извор. Речь идет о культурных слоях 1a и 1b, предполагаемая дата которых около 30 тысяч лет (Paunescu, 1993: 131-140). Соотношения между основными группами орудий этих слоев и верхнего слоя Стинки 1 очень сходны. Так в раннем ориньяке орудия верхнепалеолитической группы (группа III по Ф. Борду) достигают почти 15%, мустьерской группы II — 14%, а зубчатых орудий — группа IV — 27,6%, в то время как бифасы (включая листовидные острия) составили всего 4%. Напомню, для Стинки 1 они следующие: II — 8,6%, III — 16%, IV — 21%, бифасы — 9%. Очевидно почти полное совпадение. Некоторые различия в процентном соотношении можно считать случайными. Напротив, в ориньяке преобладают пластинчатые заготовки, включая отщепы, пластины и острия леваллуа. Среди последних имеются как ретушированные формы, так и лишенные обработки. Обнаружены единичные мустьерские остроконечники. В коллекции верхнего слоя Стинки 1 этих форм, а также крупных бифасов, нет. Особенно показательны бифасы крупных размеров, в их числе скребло с частично двусторонней обработкой, которые обычны в нижележащем микокском слое 5. Аналогичное крупное скребло с частично бифасиальной обработкой найдено в комплексе (раскопе) 2 стоянки Кетросы на Среднем Днестре (Анисюткин, 1981: 43).

Еще один комплекс, который также расположен на левом берегу реки Прут, происходит из местонахождения Валя-Изворулуй, где нет выраженного культурного слоя. Комплекс датируется переходным временем между мустье и верхним палеолитом (Bitiri, 1973: 27-35). Здесь отмечено то же сочетание как и для ориньяка Рипичени-Извор, в их числе крупные бифасиальные формы. Последние, как уже отмечалось, типичны для слоев 4 и 5 Рипичени-Извор (Mania, Toepfer, 1973: 143; Paunescu, 1988). Очень важно, что в данной коллекции, с которой мне удалось ознакомиться в Бухаресте благодаря любезности доктора М. Битири-Чартеску, сочетаются типичные стинковские элементы и микокские, особенно характерные для слоя 5 Рипичени-Извор.

Сходная картина отмечена для нижнего слоя грота Брынзены 1 в Молдове, где ориньякские скребки сочетаются с выразительными скреблами и пластинчатыми заготовками, а также обильными выемчатыми и зубчатыми орудиями, единичными редуцированными скреб-

ками на площадках, сравнительно многочисленными бифасами. Среди последних имеются формы с обушками, напоминая ножи типа Keilmesser (Chirica, Borzias, Chetraru, 1996, Fig.21, 5). Правда, индекс пластин, выявленный мною по части коллекции 1965 года, достигал всего 25%, что для верхнего палеолита достаточно мало.

Эти примеры дают основание для весьма широкой интерпретации, включая культурные взаимовлияния. Они показывают, что процесс трансформации мустье в верхний палеолит был весьма сложным и далек от единственной модели простого перерастания определенного варианта мустье в определенную культуру верхнего палеолита. В регионе прослежено 2 модели возможной трансформации: первая — линейная (Стинка 1, Климауцы 1, Зеленый хутор, Анетовка 13), на которую обращали внимание исследователи палеолита (Борзияк, 1978: 14; Станко, 1982: 89), вторая может быть названа «синтетической», где отмечается совмещение элементов стинковской культуры и регионального типичного мустье.

В заключение можно отметить любопытную тенденцию, которая прослежена на материалах изучаемого региона: в ресс-вюрме — амерсфорте микок характеризуется комплексами с типичными бифасами, включая микокские, расположенными на окраине региона; в более позднее время — видимо после брерупа (в плениглияле) — бифасиальные формы представлены листовидными острями и атипичными Keilmesser, включая Koenigsae и прондники, но без микокских рубил. Эти формы, свойственные т.н. «восточному микоку», найдены как в типичном мустье, так и в зубчатом, распространенными по всему ареалу.

5. Вопросы развития. Очень важным итогом исследований палеолита Приднестровья является установление конкретных моделей временной изменчивости каменных индустрий с учетом региональных особенностей. Эта изменчивость, которую можно отождествить с развитием, прослеживается на огромном отрезке времени. Причем, в одном конкретном случае новые материалы позволили провести проверку правомерности выделения осыпского этапа развития стинковской культуры, который позднее был назван прото-стинковским. Речь идет о местонахождении Шипот 2 (ШНС), где каменные изделия и единичные обломки костей лошади найдены в отложениях пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Днестра. Важно напомнить, что осыпский этап развития был выделен еще в 1971 году на основе небольшой коллекции Осыпки, подавляющая часть которой представлена переотложенными каменными изделиями из финальноплейстоценовых суглинков и только 3 связаны с датированными отложениями (Анисюткин, 1977а: 7), что явилось основой датировки всего материала ин-

терстадиалом амерсфорт. К этому времени относятся отложения с каменными изделиями ШНС. Технические и типологические показатели этих двух комплексов, а также коллекций из нижнего слоя грота Выхватинцы с хорошей стратиграфической позицией и местонахождения Бобулешты 5 с подъемными материалами практически тождественны. Можно полагать, что комплекс Бобулешты 5 синхронен стратифицированным, соответствуя хронологически периоду от ресс-вюрма до интерстадиала амерсфорт включительно.

Дуруиторо-стинковское единство можно подразделить на следующие этапы развития: дуруиторский (грот Дуруиторы, Мерсына, Хоробра, Ярово), прото-стинковский (Осыпка, ШНС, нижний слой грота Выхватинцы, Бобулешты 5), раннестинковский (нижний слой Стинки 1, Мамая, грот Буздужаны 1), позднестинковский (верхний слой Стинки 1, Шипот 1, слой 2 грота Буздужаны 1). Видимо к дуруиторскому этапу можно отнести коллекцию Стинки 4, к прото-стинковскому — Стинку 2 и ряд местонахождений в бассейне Реута (Кетрару, 1973: 29-31), к раннестинковскому — слои 11, 12 стоянки Кормань 4. Каждый этап может быть охарактеризован достаточным количеством сравнительного материала.

В целом, техника расщепления совершенствуется медленно для индустрий дуруиторо-стинковского единства. Здесь способ подготовки ударных площадок нуклеусов при помощи фасетирования или снятия «бахромы» не был распространен. Уменьшение угла скалывания достигалось при помощи довольно широких сколов, хотя часто этого не делалось вообще. Подготовка рабочей поверхности была минимальной, что сказывалось на формах заготовок. Только в конце мустьерской эпохи, на позднестинковском этапе развития, намечился некоторый прогресс: поперечные ядрища стали заменяться продольными, а отбойники из твердых пород камня вытесняются иными (в частности из песчаника). Нельзя исключать того, что именно в это время стал постоянно использоваться посредник. Общий прогресс выразился в постепенном уменьшении массивности отщепов и пластин. Правда, если для зубчатого мустье этот процесс растянут до начала верхнего палеолита, то для типичного мустье все завершилось уже в период существования слоя 11 Молодова 5 (т.е. в нижнем плениглияле) когда был достигнут предельный уровень уплощения сколов-заготовок. Например, индексы массивности верхнего слоя стоянки Костенки 1, слоев 11 и 4 стоянок Молодова 5 и 1 были одинаковы, достигая всего 17. Очевидно значительное преобладание тонких сколов-заготовок с массивностью менее 20 (Анисюткин, 1988: 105). С данными показателями коррелируют индексы пластин и клеттона, изменяющиеся по-разному в типичном мустье и

в стинковской культуре.

Основной прогресс в технике расщепления камня шел по пути уменьшения массивности и увеличению удлиненности заготовок, подтверждая тем самым мысль Г.А. Бонч-Осмоловского, высказанную еще в 1928 году (Бонч-Осмоловский, 1928: 181-183). Развитие шло по-разному в разных вариантах среднего палеолита: очень медленно в индустриях дуруиторостинковского единства и очень быстро в молодом леваллуа-мустье. Присутствие отщепов с двумя противоположными ударными площадками не только на дуруиторском этапе, но и на протостинковском (ШНС), свидетельствует о существовании архаичных элементов расщепления камня до начала вюрма. Напротив, подлинные черепаховидные нуклеусы, которые обычны в коллекции КЯЮ, очень быстро исчезают, заменяясь одно- и двуплощадочными леваллуазскими ядрищами для пластин, на что обращал свое внимание такой тонкий наблюдатель как А.П. Черныш еще свыше тридцати лет тому назад (Черныш, 1965: 96).

Типологические изменения также различны в разных вариантах. В типичном мустье, если использовать как самый ранний комплекс КЯЮ, когда существовали типичные бифасы, кливеры, чопперы и крупные скребловидные формы (секачи по В.Н. Гладилину), трансформация произошла стремительно: исчезли или стали случайными, превратившись в атипичные, все отмеченные выше формы, но появились леваллуазские и мустьерские остроконечники. В дальнейшем никаких существенных изменений не выявлено, исключая КЯС, где найдено много скребков. Однако здесь трудно говорить однозначно о развитии, учитывая сохранность памятника.

Близкая картина зафиксирована и для стинковской культуры, где, если брать во внимание только послебрерупские индустрии, кардинальных изменений не обнаружено. Сосуществуют сходные по типологическим показателям две индустрии, различающиеся степенью «мустьеризации». В этом плане комплексы Мамаи, описанные К. Валохом и А. Паунеску, имеют все те признаки, которые зафиксированы для стинковской и буздужанской индустрий. Поэтому считать ранний комплекс Мамаи росс-вюрмским нет оснований. Здесь нужно согласиться с датировкой, которая предложена румынскими учеными, датировавшими ранний комплекс Валоха брерупским временем (Dumitrescu e.a., 1983: 40). Только в среднем пленигляциале, после интерстадиала моерсхофд, выявляются следы «деградации», выразившейся не только в изменившемся характере скребел и во вторичной отделке орудий, но в увеличении количества и качества верхнепалеолитических элементов, в их числе типичных скребков на концах пластинчатых заготовок и единичных микропластинок с ретушью краев. Самым поздним

в этой цепи является верхний слой Стинки 1. Для данного специфического варианта среднего палеолита характерна такая модель развития, где коротким периодам довольно быстрой эволюции, которые соответствуют протостинковскому и верхнестинковским этапам развития, противостоит период относительной стабилизации, практически без изменений.

Подобное вероятно характерно и для типичного мустье. Но здесь нет ни одного комплекса, который можно было бы признать в качестве переходного от мустье к верхнему палеолиту. Напомню, что КЯС с относительно многочисленными скребками представлен подъемным материалом.

Типичный микок характеризуется малочисленной коллекцией среднего слоя гота Выхваницы и материалами аллювиального комплекса стоянки Кетросы, а также единичными находками, включая типичный сердцевидный бифас, с левобережного притока Днестра реки Смотрич на окраине Негина. Бросается в глаза преобладание в этих комплексах пластинчатых заготовок, включая леваллуазские. Ранние комплексы микока отмечены на восточной окраине ареала, в то время как «восточно-микокские» элементы распространяются широко только в пленигляциале.

6. Вопросы палеоэкологии. Частично вопросы палеоэкологии региона освещены в работе И.К. Ивановой, где основное внимание уделено палеогеографии (Иванова, 1987: 94-123). Это же характерно и для других работ, в которых речь идет о Приднестровье.

В качестве образца палеоэкологической характеристики имеющихся материалов использую сборник «Проблемы палеоэкологии древних обществ», где впервые в отечественной научной литературе дана теория и методика, а также рассмотрены различные аспекты палеоэкологических исследований в археологии (Леонова, Несмеянов 1993: 5-7). Последнее обстоятельство имеет для специалистов по палеолиту решающее значение.

6.1. Региональная палеоэкология. Регион занимает особое географическое положение, располагаясь на стыке Балкан, Центральной и Восточной Европы, являясь юго-западной окраиной великих степей Евразии, представляя лесостепную зону, примыкающую к лесам Карпатских гор. В течение позднего плейстоцена, в результате существенных климатических колебаний, связанными с вюрмским оледенением, границы степи и леса изменялись, но регион оставался всегда лесостепным, как и в настоящее время (Украина и Молдавия, 1972: 285). Территория междуручья Прута и Днестра представляет холмистую равнину, пересеченную цепью небольших возвышенностей с конусообразными или плоскими вершинами, сложенными органогенными известняками. Данная цепь шириной до 10 км протя-

гивается с юга — юго-востока на северо-запад с территории Румынии до левобережья Днестра на территории Украины. Эта рифовая зона называется толтрами или медоборами (Поручик, 1916: 119). В них имеются карстовые полости, включая гроты и навесы, часть из которых содержит культурные слои палеолитического времени. Последние сегодня выявлены только на территории Молдовы.

Долина Днестра, особенно в среднем течении, достаточно глубоко врезана, напоминая каньон. Выделено два типа террас — надканьонные — высокие и внутриканьонные — более низкие (Иванова, 1987: 94). На последних обнаружены почти все стоянки среднего палеолита. На высоких террасах (свыше 120 м), которые ныне очень сильно эродированы, встречаются только единичные кремневые изделия, включая архаичные.

Внутриканьонная часть долины, представленная II, III и IV террасами, также была расчленена различными по протяженности притоками Днестра. Часто эти долины, называемые ярами, имели крутые, обрывистые склоны, где обнажены дочетвертичные породы, в которых имелись выходы кремня. Имелись многочисленные источники пресной воды, которые использовались древними людьми.

Фауна позднего плейстоцена, найденная на среднепалеолитических стоянках Приднестровья и Северной Молдовы, представлена типичным приледниковым комплексом, широко распространенным в Европе. Налицо представители всех биотопов, но преобладают животные открытых пространств. Для пещерных стоянок характерны пещерные хищники.

Растительность позднего плейстоцена, как свидетельствуют палинологические данные, была достаточно разнообразной, достигая максимума теплолюбивых форм во время климатических максимумов микулинского межледникового. Суровые климатические условия зафиксированы в послелерупское время. В это время доля пыльцы широколиственных пород составляла 5% только в интерстадиалах, а в отложениях стадиялов она либо единична, либо не найдена вообще. Тем не менее, теплолюбивые формы могли переживать самые суровые отрезки ледникового периода в глубоких защищенных оврагах Приднестровья (Пашкевич, 1977: 105-111; Левковская, 1981: 125-134; Болиховская и др., 1982: 121-143).

Исследуемая территория была очень благоприятной для жизнедеятельности людей в первой половине позднего плейстоцена. Здесь имелись обильные и разнообразные источники сырья и пресной воды, существовали благоприятные условия для организации поселений и мест для облавной охоты, водились разнообразные промысловые животные, произрастали многочисленные съедобные растения. Известно, что для лесостепи характерна наибольшая

биомасса (Долуханов 1976: 16).

6.2. Локальная палеоэкология. По характеру материалов, используемых для реконструкций, локальную палеоэкологию целесообразно разделить на два направления: палеоэкологию места жительства и палеоэкологию посещаемых территорий (Леонова, Несмеянов 1993: 10). Конкретно, локальная палеоэкология каменного века изучает условия существования отдельной стоянки (группы стоянок) на определенной территории и факторы адаптации ее обитателей к этим условиям. Итогом исследований является локальная реконструкция среды обитания и жизни древнего человека (Леонова, Несмеянов 1993: 59).

Большинство открытых стоянок имеют северную или северо-западную экспозицию. Это характерно как для стоянок с сохранившимися культурными слоями, так и для местонахождений с подъемными материалами. Фактически на север открыта долина Кишлянского яра, где расположена стоянка Кетросы. Все объекты привязаны к источникам воды и сырья. Последние представлены либо выходами непосредственно в пределах стоянки (Кетросы), либо переотложенными кусками и желваками кремня (Молодова 1 и 5), либо галечниками (Стинка 1, Шипот 1). Интересно, что основными источниками питьевой воды были родники или маловодные притоки, но не река Днестр. Исключением является местонахождение Осыпка, найденное непосредственно в древней пойме Днестра. Стоянки на IV надпойменной террасе отличаются от расположенных на более низкой высоким процентом орудий, что позволяет видеть здесь иной тип сезонных стоянок.

Молодовские стоянки находились на сравнительно обширных мысах, которые ограничены с востока и запада водотоками, а с юга крутым склоном высокой террасы, где у тылового шва группировался кремневый щебень и желваки, снесенные с более высоких участков их коренного залегания (Иванова, 1982, рис.9). Стоянка открыта на север и северо-запад в направлении поймы Днестра. Незащищенность от северо-западного ветра, господствующего в данной местности и в настоящее время (Природа Чернівецької області, 1978: 62), компенсировалась устройством жилищ с широким использованием гигантских костей мамонта.

Топография стоянки Кетросы, укрытой в боковой долине и защищенной от непогоды конусами выноса, а также жилищами с использованием костей мамонта и крупных камней, связана вновь с источниками воды и сырья для изготовления каменных орудий. В отличие от топографии молодых стоянок здесь «полезная площадь» позволяла образовывать жилые площадки на узком пространстве, выстраивая их вдоль водотока Кишлянского яра один за другим. Сейчас известно 4 комплекса, в их числе 2 раскопанных, 1 разрушен карьером и 1

разведан, но не исследован до сих пор.

Открытые стоянки на IV-ой надпойменной террасе, относящиеся к стинковской культуре, хорошо укрыты в рельефе и незаметны с левого берега реки. Противоположностью являются комплексы типичного мустье. В частности, СД хорошо видна с противоположного берега. С поверхности IV надпойменной террасы хорошо просматривается долина Днестра.

Стоянки в гротах имеют южную, юго-восточную, реже восточную или юго-западную (грот Дуруиторы) экспозиции. Исключением являются гроты Тринка 3 (Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986: 83-84) и Ла Сэретурь (Борзияк, Григорьева, Кетрару, 1981: 35), мустьерские слои которых являются остатками охотничьих лагерей. Все они расположены высоко от воды и лишены источников сырья, исключая грот Выхватинцы. Для пещерных стоянок типичны высокие проценты орудий и малочисленность нуклеусов, представленных преимущественно остаточными образцами. Многие кремневые орудия имеют следы переоформления, а скребла интенсивно ретушированы. Это характерно для зимних поселений, когда источники сырья были недоступны. К тому же, для стоянок этого типа обычна сильная фрагментированность обломков костей (Давид, 1986: 113). Если учесть размеры скальных убежищ и распространенность культурного слоя, а также объемы коллекций, то возможно предположить, что здесь зимовали небольшие группы древних людей. Исключением является средний слой грота Выхватинцы, который вероятно представлял стоянку в районе облавных охот палеоантропов, учитывая топографию местности, изобилие костей животных в тальвеге балки и особенность набора каменных изделий, где преобладали орудия, включая 5 бифасов.

Можно предположить, что открытые стоянки на II-ой террасе являются сезонными поселениями на путях миграций копытных животных, а также мамонтов. Они функционировали в осенний период, когда была необходимость в утепленных жилищах, как это установлено для стоянки Кетросы (Анисюткин, 1979: 46; Щелинский, 1994: 27).

Стоянки на высоких террасах, видимо, следует отнести также к сезонным, существовавшим в теплый период. На это указывает топография стоянок, расположенных на высоких поверхностях, не защищенных от холодных ветров при отсутствии следов утепленных жилищ. Скорее всего, в сооружении последних не было необходимости, если допустить занятость этих мест летом. Кроме того, на стоянках подобного типа всегда много ядрищ, включая преформы. Кстати, в пыльцевых спектрах из отложений нижнего слоя стоянки Стинка 1 исключительно обильна пыльца сорняков, которые свидетельствуют о появлении рудеральных сообществ на месте первичных фитоценозов — на вытопта-

ном человеком грунте. В культурном слое стоянки Кетросы и в слое 4 Молодова 1 процент сорняков менее значителен. Это возможно указывает на то, что они существовали в осенний период, в конце вегетативного периода.

6.3. Для наступающего вюрмского времени характерна нестабильность климата, вызванная наступающим оледенением. Во время холодных стадиялов и прохладных интерстадиялов раннего и среднего пленигляциала становились редкими или исчезли многие виды растений, включая съедобные, а также некоторые виды промысловых животных. Например, вместо многочисленного бизона, который наряду с широкопалой лошастью являлся основной добычей мустьерцев, в послебруерупское время основной добычей были стада северного оленя, который вместе с лошастью и мамонтом превратился в главный объект охоты палеолитического человека до конца плейстоцена.

6.4. Степень оседлости, дальность и маршруты кочевий. Памятник, который принято считать образцом относительной оседлости, т.е. базовой стоянкой — слой 4 Молодова 1, существовал от 3-х лет (Черныш 1982: 57) до нескольких десятков лет (Иванова 1982: 223). Однако это не было непрерывным заселением. Стоянка неоднократно оставлялась и вновь заселялась группами мустьерцев. Данные из работ А.П. Черныша позволяют убедиться в многогоризонтности наиболее полно раскопанного слоя 4 стоянки Молодова 1. В частности, при описании ямы-хранилища (кладовой) обращено внимание на разновременность ее заполнения. Выделено три уровня костей, перекрывающих один другой, что видно на представленном разрезе (Черныш 1989: 76-77). Планиграфия также дает доказательство многогоризонтности: одни комплексы перекрывали другие, а тонкие очаги, хаотично расположенные, не только «заползают» под стены жилища-яранги, но и прорывают последние (Черныш 1965: 38; 1982, рис.10). Дополнительным доказательством является характер каменной индустрии молодовского мустье, где орудия с краевой однорядной ретушью весьма просты, а переоформленные единичны, что типично для индустрии стоянки Кетросы. Однако, в отличие от последнего памятника, располагавшегося на путях миграций бизона, молодовские были связаны, вероятно, с путями миграций мамонта. Не исключено, что значительная часть костей от 53 мамонтов из слоя 4 (Черныш 1989: 78) подобрана на берегу Днестра, как это имело место в Кетросах (Аникович, Анисюткин 1995: 597).

В нашем регионе нет базовых стоянок, указывающих на оседлость, а относительно contemporaneous были только зимние поселения в скальных убежищах. Можно заключить, что система жизнеобеспечения мустьерцев была обусловлена природными условиями, сменой времен года, способствовавших сезонной дея-

тельности. В отличие от горных регионов с вертикальной зональностью, на равнине ландшафтные зоны имеют горизонтальную зональность, содействуя в зависимости от времени года, длительным миграциям промысловых животных, позволяя полнее использовать те или иные источники питания, связанные с охотой и собирательством.

7. Заключение. Средний палеолит Приднестровья и Северной Молдовы существовал на территории с благоприятными природными условиями, которые вопреки существенным климатическим колебаниям позднего плейстоцена позволяли человеческим популяциям находить достаточные ресурсы для жизнеобеспечения. В основе хозяйственной деятельности, связанной с охотой и собирательством, положена такая модель, которая учитывает естественную смену времен года и особенности природной среды. Все стоянки являются сезонными, среди которых относительно долговременными можно назвать только зимние стоянки. Лишь в это время года немногочисленные коллективы мустьерцев, укрывавшихся в гротах в течение нескольких холодных месяцев, вели вынужденно оседлый образ жизни. Напротив, в теплое время года люди вели подвижный образ жизни, объединяясь в достаточно многочисленные коллективы для охоты во время миграций стадных животных (Кетросы, Молодова 1 и 5) или иных видов деятельности, связанных с собирательством (Стинка 1, С Д). Важно отметить, что система «землепользования» была одинаковой для каждого из вариантов регионального среднего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА.

- Агаджанян А.К. 1982. Мелкие млекопитающие из разреза стоянки Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с. 154-171.
- Адаменко и др. 1996. — Адаменко О.М., Гольберт А.В., Осюк В.А., Матвишина Ж.Н., Медяник С.И., Моток В.Е., Сиренко Н.А., Чернюк А.В. Четвертичная палеогеография экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. «Феникс», Киев, 1996.
- Алексеева Л.И. 1987. Териофауна многослойной стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Люди каменного века и окружающая среда. «Наука», с. 153-162.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К. 1995. Человек и мамонт в палеолите Восточной Европы.// Первое международное мамонтовое совещание 16-22 октября 1995 года, С.- Петербург, Россия. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, с.597.
- Анисюткин Н.К. 1969. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.//Археологический сборник, 11, «Советский художник», Ленинград, с. 5-17.
- Анисюткин Н.К. 1975. Новое палеолитическое местонахождение Шипот в Приднестровье.// БКИЧП, п. 43, Москва, с.163-168.
- Анисюткин Н.К. 1977а. Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустье в междуречье Днестра и Прута.// Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. «Наука», Ленинград, с.7-14.
- Анисюткин Н.К. 1977б. Об археологических культурах мустье.// Археологический сборник, 18, «Аврора», Ленинград, с. 5-9.
- Анисюткин Н.К. 1978. Кетросы — поселение неандертальских охотников на Днестре.// Природа, 5, Москва, с. 145-146.
- Анисюткин Н.К. 1979. Мустье бахчисарайско-холоднобалковского типа.// Исследования палеолита в Крыму. «Наукова думка», Киев, с.131-141.
- Анисюткин Н.К. 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.7-53.
- Анисюткин Н. К. 1984. О взаимодействии среднепалеолитических культурных единств на территории Юго-Запада СССР. //Археологический сборник, 25, «Искусство», Ленинград, с. 19-23.
- Анисюткин Н.К. 1990. Хронология мустье (Приднестровья).// Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. «Мецниереба», Тбилиси, с.46-51.
- Анисюткин Н.К. 1992. Ранний и средний палеолит Юго-Запада Европейской части СССР. Автореферат диссертации доктора историч. наук. Санкт-Петербург.
- Анисюткин Н.К. 1994. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на Юго-Западе Русской равнины

- ны.// Археологические вести, п. 3, Санкт-Петербург, с. 6-16.
- Анисюткин Н.К., Борзисяк И.А., Кетрару Н.А. 1986. Первобытный человек в гротах Тринка 1-3. «Штиинца», Кишинев.
- Анисюткин Н.К., Кетрару Н.А. 1982. Грот Выхватинцы и проблема домустьерских памятников Молдавии.// Проблемы антропогена Молдавии, «Штиинца», Кишинев, с.120-132.
- Болиховская Н.С. 1981. Растительность и климат Среднего Приднестровья в позднем плейстоцене.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.103-124.
- Болиховская Н.С. 1982. Растительность микулинского межледниковогоья по данным палинологического анализа полигенетической ископаемой почвы близ стоянки Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.145-154.
- Болиховская, Пашкевич, 1982. Динамика растительности в окрестностях стоянки Молодова 1 в позднем плейстоцене. // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.120-144.
- Бонч-Осмоловский Г.А. 1928. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий. // Человек, п.2-4, с.147-185.
- Борзисяк И.А. 1978. Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии. Автореферат диссертации кандидата историч. наук, Ленинград.
- Борзисяк И.А., Григорьева Г.В., Кетрару Н.А. 1981. Поселения древнекаменного века на Северо-Западе Молдавии. «Штиинца», Кишинев.
- Былинский Е.Н. 1989. Объем микулинского межледниковогоья и проблема корреляции микулинских морских трансгрессий на севере Европы и черноморском побережье Кавказа. // Четвертичный период. Палеогеография и литология. «Штиинца», Кишинев, с.32-39.
- Веклич М.Ф. 1968. Стратиграфия лессовой формации Украины и соседних стран. «Наукова думка», Киев.
- Величко и др., 1989. — Величко А.А., Маркова А.К., Морозова Т.Д., Нечаев В.П., Ударцев В.П., Цацкин А.И., Чепалыга А.Л. Хроностратиграфия лессово-почвенной формации и ее значение в корреляции и периодизации ледниковой перигляциальной и приморской областей. // Четвертичный период. Палеогеография и литология. «Штиинца», Кишинев, с.14-21.
- Гитерман Р.Е. 1987. Палинология мустьерских слоев стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. «Наука», Москва, с.152-153.
- Гладилин В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. «Наукова думка», Киев.
- Давид А.И. 1980. Териофауна плейстоцена Молдавии. «Штиинца», Кишинев.
- Давид А.И. 1986. Остатки млекопитающих из гротов у с. Тринка.// Первобытный человек в гротах Тринка 1-3. «Штиинца», Кишинев, с.113 — 123.
- Долуханов П.М. 1979. География каменного века. «Наука», Москва.
- Заррина Е.П. 1991. Четвертичные отложения северо-западных и центральных районов Европейской части СССР. «Недра», Ленинград.
- Иванова И.К. 1959. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок Среднего Приднестровья.// Палеолит Среднего Приднестровья. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, ХУ, Москва, с.215-278.
- Иванова И.К. 1969. Геоморфология и палеогеография Приднестровья в палеолите.// Природа и развитие первобытного общества. «Наука», Москва, с.111-119.
- Иванова И.К. 1975. Геологический обзор местонахождений каменного века Молдавии. // БКИЧП, п.43, «Наука», с.90-117.
- Иванова И.К. 1982. Геология и палеогеография мустьерского поселения Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.188-235.
- Иванова И.К. 1987. Палеогеография и палеоэкология среды обитания людей каменного века на Среднем Днестре.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Москва, с.94-123.
- Иванова и др., 1981. — Иванова И.К., Болиховская Н.С., Ренгартен Н.В. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.152-161.
- Кабо В.Р. 1986. Первобытная доземледельческая община. «Наука», Москва.
- Кетрару Н.А., Анисюткин Н.К. 1967. Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. Кишинев.
- Кетрару Н.А. 1973. Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып.1, «Штиинца», Кишинев.
- Кетрару Н.А. 1983. Палеолитическая стоянка Бобулешты 5.// Первобытные древности Молдавии. «Штиинца», Кишинев.
- Кетрару Н.А. 1991. Производственные комплексы раннего палеолита Молдовы.// Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы. «Штиинца», Кишинев, с.5-28.
- Кулаковская Л.В. 1989. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. «Наукова думка», Киев.
- Левковская Г.М. 1981. Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы.// Кетросы. Мустьерское поселение на Среднем Днестре. «Наука», Москва, с.125-135.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Матюшкин И.Е. Региональная и локальная палеоэкология каменного века.// Проблемы палеоэкологии древних обществ. Москва, с.5-18.
- Мотуз В.М. 1987. Наземные моллюски из четвертичных отложений стоянки Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. Москва, с.162-167.
- Пашкевич Г.А. 1977. Палинологическое исследование разреза стоянки Кормань 4.// Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4. «Наука», Москва, с.105-111.
- Поручик Ф.С. 1916. Геология Бессарабии. Кишинев.
- Праслов Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма.// Археология СССР. Палеолит СССР. «Наука», Москва.
- Природа Чернівецької області.1978, Львів.
- Сергеев Г.П. 1950. Позднеашельская стоянка в гроте у с. Выхватинцы. СА, XII, с.203-212.
- Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. «Наукова думка», Киев.
- Станко В.Н., Петрунь В.Ф. 1994. Анетовка 13 — памятник начальной поры позднего палеолита в Степном Причерноморье // Археологический альманах, 3, Донецк, с. 161-179.
- Сытник А.С. 1985. Ранний палеолит Приднестровской Подолии. Автореферат канд. диссертации. Киев.
- Сытник А.С. 1989. Палеолит Приднестровской Подо-

- лии.// Каменный век: памятники, методика, проблемы. «Наукова думка», Киев, с.86-93.
- Сытник А.С. 1994. Мустьерская стоянка Пронятин и ее место в палеолите Восточной Европы.// Археологический альманах, п.3, Донецк, с.101-109.
- Сытник А.С. 1997 — Ситник О. Леваллуазьский комплекс Тернопільської стоянки (Тернопіль 1).// Наукові записки. Випуск VI, Частина 1. Львівський історичний музей. Львів, с.98-109.
- Сытник А.С. 1998 — Ситник О. Мустьєрська стоянка Бережани V. Археологія.// Українська наука: минуле, сучасне, майбутнє. Щорічник. Тернопіль, с.164-172. Україна и Молдавия. 1972, «Наука», Москва.
- Черныш А.П. 1959. Поздний палеолит Среднего Приднестровья.// Труды комиссии по изучению четвертичного периода, вып.15, Москва, с.5-214.
- Черныш А.П. 1965. Ранний и средний палеолит Приднестровья. «Наука», Москва.
- Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4 и ее место в палеолите.// Многослойная палеолитическая стоянка Кормань 4.»Наука, Москва, с.7-77.
- Черныш А.П. 1982. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1.// Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре.»Наука, Москва, с.6-101.
- Черныш А.П. 1987. Эталонная многослойная стоянка Молодова 5.// Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 5. «Наука», Москва, с.7-93.
- Черныш А.П. 1989. О мустьерских жилищах и поселениях.// Каменный век.»Наукова думка», Киев, с.72-81.
- Щелинский В.Е. 1994. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита. Автореферат диссертации доктора исторических наук. Санкт-Петербург.
- Bitiri M. 1973. Cîteva date cu privire la Paleoliticul de la Mitok-Valea Izvorului.// Studii și materiale istorice. III, Suceava.
- Bosinski G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Fundamenta A/4.
- Bosinski G. 1985. Der Neandertaler und seine Zeit.// Kunst und Altertum am Rhein, n.118, Bonn.
- Cârciumaru M. 1973. Bruno Bastian. La Chronostratigraphie du Wurm en Belgique à la lumière de la Pollinologie des Loess et Limons. // Studii și Cercetare de Istorie Veche. T.24, n.1.
- Cârciumaru M. 1985. La relation Homme-environnement element important de la dynamique de la Société Humaine au cours du Paléolithique et Epipaléolithique sur la territoire de la Roumanie.// Dacia, N.S., XXIX, n.1-2, pp.7-34.
- Chetaru N.A. 1992. Contribuții la cunoașterea Paleoliticului inferior în Moldova.// Anuarul, II, Chișinău, pp.93-138.
- Chirica V., Borzic I., Chetaru N. 1996. Gisements du Paléolithique Supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iași.
- Combiér J. 1967. La Paléolithique de la Ardeche dans son cadre paléoclimatique. Mem. 4, Bordeaux.
- Dumitrescu e. a. 1962-1963 — Dumitrescu M., Samson P., Terzea E., Radulescu C., Ghica M. Peștera «La Adam», stațiune pleistocenă.// Lucrările institutului speleologic «Emil Racovița», Tom 1-2, pp. 229-284.
- Dumitrescu e.a. 1983. — Dumitrescu V., Bolomey A., Mogosanu F. Esquisse d'une Préhistoire de la Roumanie. Bucarest.
- Gamble C. 1986. The Palaeolithic settlement of Europe. Cambridge.
- Haesaerts e. a., 1979. — Haesaerts P., Sirakova S. Le Paléolithique moyen a pointes foliaciées de Mouselievo.// Middle and early Upper Palaeolithic in Balcan. Warszawa-Kraków, pp.35-63.
- Klein R. 1969. Mousterin Cultures in European Russia.// Science, Vol.165, n.03890.
- Kozłowski J. (Ed.), 1982. Excavation in the Baco Kiro cave. Warszawa.
- Lumley H. de (Ed.). 1972. La grotte mousterienne de la Hortus. Marseille.
- Mania D., Toepfer V. 1973. Königsau. Gliederung-Ökologie und mittelpalaeolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin.
- Păunescu A. e.a., 1972 — Păunescu A., Mogosanu F., Cârциумару M. Unele considerații privind paleoliticul mijlociu din Dobrogea.// Pontica, V, pp.11-28.
- Păunescu A. 1988. Chronologie du Paléolithique moyen en Roumanie dans le contexte de celui de l'Europe Centre-Orientale et Médionale.// L'Homme de Neandertal. Vol.1.La Chronologie. Liège, p.73-86.
- Păunescu A. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. București.
- Riencourt, 1993. — Riencourt-les-Bapaume un gisement du Paléolithique moyen. Documents d'Archeologie Française, n.37, Paris.
- Sirakov N. 1983. Reconstruction of the Middle Palaeolithic flint assemblages from the cave Samuilitsa II and their taxonkmlcal position seen against the Palaeolithic of South-Eastern Europe. Folia Quaternaria, 55, Kraków.
- Valoch K. 1968. Gisement du Pleistocene supérieur à Mamaia sur la coté de la Mer Noire. // La Préhistoire. Problemes et Tendances. P.465-472.
- Valoch K. 1993. Les industries du Paléolithique moyen de Mamaia-Sat, Roumanie.// L'Anthropologie. Tome 97, n.2/3, pp.239-264.
- Velichko A. 1988. Geocology of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas.// L'Homme de Neandertal, 2. L'Environnement. Liège, pp.181-206.
- Webb R. 1988. The implications for Middle Palaeolithic Culture History of recent attempts at radiometric dating.// Le Homme de Neandertal, 1. La Chronologie. Liège.